

ДАНА АРНАУТОВА

# СТАЛЬНОЙ ПОДСНЕЖНИК

**RUGRAM**

УДК 82-312.9  
ББК 84.4  
А 84

**Арнаутова Д.**

А84      Стальной подснежник / Д. Арнаутова, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 580 с. — (Эдор. Хроники яркого века).

ISBN 978-5-521-89997-5

Друзья звали её Стальным Подснежником, враги — упрямой и живучей стервой. Однако друзей все меньше, врагов все больше, а дар боевого мага не вечен. Теперь судьба леди Лавинии Ревенгар — стать разменной монетой в чужих интригах и королевской наградой для коменданта пограничной крепости, недавно потерявшего любимую жену. Лавиния верит: можно лишиться всего, кроме стального характера и чести. Комендант Эйнар знает: есть шанс вернуть погибшее счастье, но цена запредельна. Можно ли не ошибиться, выбирая между новой любовью и старой верностью? Расцветет ли стальной подснежник среди пепла и льда?

BIC FM  
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-89997-5

© Дана Арнаутова, текст, 2022  
© Ольга Кандела, обложка, 2022  
© RUGRAM, оформление, 2022  
© Т8 Издательские технологии, 2022

# ГЛАВА I

## ДВЕ АУДИЕНЦИИ

— Так значит, теперь, когда я не могу умереть за Орден в бою, он милостиво позволяет мне сдохнуть самой по себе? Пятнадцать флоринов в зубы — и доброго пути?

Ло старалась говорить спокойно, но кипевший в ней гнев все равно просачивался в голос, отравляя интонации. А что хуже всего — она отлично знала за собой эту мерзкую особенность — если сдерживаться слишком долго, после злость вырвется наружу непредсказуемым способом.

— Леди Ревенгар, не стоит представлять все таким образом.

Антуан Саттерклиф, великий магистр Ордена, только досадливо поморщился, словно отчитывая нашалившую адептку, и немного наклонился вперед. Массивная звезда-семилучевик, усыпанная драгоценными камнями, — знак его сана — блеснула Ло в глаза россыпью цветных огоньков, хотя свет падал магистру в спину.

— Пятнадцать флоринов, о которых вы отзываетесь с таким пренебрежением, это почетная пенсия. И многие были бы ей рады.

— О, не сомневаюсь! — выплюнула Ло. — На нее ведь можно целый месяц жить в съемной комнатухе на окраине и позволять себе любые лакомства из овсянки и пареной репы. Не отводите глаза, магистр! Вы отлично знаете, что такое пятнадцать флоринов в столице для женщины моего происхождения.

— Ну...

Магистр и вправду с подчеркнутым вниманием рассматривал настенную карту за спиной Ло.

— Столица, кстати, не слишком полезное место при вашем... состоянии здоровья. В провинции жизнь дешевле, а в двадцать шесть лет, да с вашим умом и внешностью...

— Я не собираюсь бегать за деревенскими женихами, по добрав драные юбки, купленные на ваши полтора десятка монет. Вы обещали мне место преподавателя, когда закончится мой армейский контракт. Он закончился. И я не вижу ни одного претендента с большим боевым опытом, чем у меня. Даже странно, не правда ли? Место в Академии — вот все, чего я хочу.

Ло сцепила руки за спиной, задрав подбородок и чуть заметно покачиваясь с каблука на носок. Со стороны поза выглядела высокомерной, а в облегающих штанах и мужском камзоле — так и вовсе вызывающей, но не объяснять же каждому болвану, что так у нее меньше болит спина, если приходится подолгу стоять. А сесть магистр ей не предложил. Наверное, боялся, что тогда она расположится в его кабинете надолго. Правильно боялся!

— Не с вашим заболеванием! — отрезал Антуан и без всякой нужды переложил с места на место пресс-папье из вулканического камня.

Золоченая надпись на полированной темной плитке блеснула в солнечных лучах — за окном разгорался уже седьмой день мирной жизни. Жизни, в которой боевая магичка, лишившаяся дара, оказалась бесполезным грузом для поредевшего Ордена.

— Я не больна! — огрызнулась Ло. — Я всего лишь могу умереть в любую минуту. Так это можно сказать о каждом. Даже о вас, магистр.

— Угрожаете? — нехорошо прищурился Антуан и тут же опомнился: — Ладно, ладно... Послушайте, Лавиния, мне действительно жаль. И ваш опыт бесценен — признаю. Но преподаватель без капли дара? Вы себя помните в их годы? Это же не просто дети! Это мажата, еще не умеющие контролировать силу. Или не желающие. Они вас живьем съедят!

— Подавятся, — процедила Ло, умом понимая, что магистр до тошноты прав. — Я вполне могу читать курс герменевтики. Или теории стихий. Да хоть этикета — в тридцать три рогатых демона через Барготову мать!

— Последний аргумент особенно убедителен, — с каменным лицом согласился магистр.

Встав из-за стола, он подошел к окну и задернул шторы. Неужели изволил заметить, что гостя морщится от солнца в лицо? Ло хмуро посмотрела в сухопарую спину, обтянутую черным суконным камзолом. Саттерклиф носил траур по погибшему сыну. Длинные волосы магистра, перевязанные черной же лентой, падали на спину неряшливым белым хвостом, и Ло только сейчас поняла, что Саттерклиф за последние месяцы почти полностью поседел и будто стал ниже ростом. А ведь всего год назад был полон сил и жизни.

— Послушайте, Лавиния, — утомленно сказал Антуан, вернувшись к столу и не присев за него снова, а опираясь о столешницу ладонями. — Я сколько угодно могу говорить, что мне жаль, но это ничего не изменит. Мы оба знаем, что магия исцеления здесь бесполезна. Думаете, я пожалел бы денег на лекарей для героини Руденхольмского ущелья? Для Стального Подснежника? Да я бы последнее выскреб из казны, хотя она, видит Пресветлый Воин, и так пуста. У меня дюжина человек в госпитале — и это только полноценные маги. Да адептов два десятка. И целители говорят, что большая часть из них останется калеками. Ну, хоть с даром... И многие тоже мечтают о месте преподавателя. Понимаете, Лавиния? У них еще вся жизнь впереди! Ну и что, что без руки или с обожженным лицом — преподавать это не мешает. А вы... Вам ведь даже волноваться нельзя! Осколок стронется, дойдет до сердца и...

— Хватит! Можете дальше не объяснять!

Ло услышала свой голос словно со стороны. Звонящий, полный холодной ярости, как темная вода в полынье бывает пополам с острой ледяной крошкой.

— Благодарю, мне все понятно, — продолжила она, выталкивая слова через ком в горле. — Вы абсолютно правы, магистр

Саттерклиф. Следует позаботиться о тех, кто не отдаст концы от ужаса, увидев мышь в аудитории, и сможет сплести хотя бы простейший аркан. И вы правы, для казны Ордена даже мои пятнадцать флоринов — нешуточная трата. Зато можно надеяться, что долго эти расходы не продлятся.

Ничего не видя прямо перед собой в отлично освещенном кабинете, Ло вслепую развернулась, ткнулась в закрытую дверь, толкнула рукой. То ли пружину за время ее отсутствия сменили на более тугую, то ли толкнула она слабее, чем показалось, но дверь осталась неподвижна.

— Лавиния Ревенгар! Остановись! Не смей, говорю, дурная девчонка!

— Была девчонка, да сдохла в Руденхольме, — прошептала Ло, с размаху саданув по двери ногой в армейском сапоге. — И жалко, что не вся...

Под крики Антуана она пролетела приемную, чудом не сбив кинувшегося наперерез секретаря, через две ступеньки пробежала по лестнице — длинной, до самого холла на первом этаже. И только там остановилась, да и то не потому, что устала, а просто холл был полон.

Ло прищурилась — в полутемном зале небольшие окна вдобавок были прикрыты массивными решетками. То ли память о тех временах, когда здание Ордена служило крепостью на случай городских боев, то ли просто чтоб не выцветали многочисленные штандарты, развешанные по стенам. А людей не так уж много. И большая часть — подростки. Мальчишки лет двенадцати-тринадцати, все по-разному одетые, кто хорохорится, кто любопытно озирается по сторонам... А вон стайка девчонок того же возраста — забились в уголок, только светлые платица видны в сумерках. Набор! Как же она могла забыть? Это ежегодный осенний набор учеников.

Но, Пресветлый Воин, почему так мало? До войны Орден каждый год набирал две-три сотни ребят. Кто-то уходил, сразу не выдержав, кто-то отсеивался потом, но поначалу обучение велось сразу в десятке классов, и только потом они постепенно сливались, чтобы к концу десятилетней учебы орденский пер-

стенъ надели две-три дюжины магов и магесс. А здесь... Здесь и сотни не наберется. Неужели у Ордена не просто плохо с деньгами, а настолько плохо? Но это бред — куда деваться остальным одаренным детям?

Ло шла по длинному залу, чувствуя на себе множество взглядов, слыша за спиной шепотки. И еще больше выпрямляла и без того идеальную спину, печатая шаг. Потом она сможет свалиться в гостинице, подложив подушечку под ноющую поясницу, прикрыв глаза и отпиваясь травяным чаем от ломоты в перебитых ребрах — все потом. Сейчас она не калека, только что вышвырнутая из Ордена за ненадобность. Она все еще его часть. И лучший боевой маг Ордена в своем поколении, хоть и бывший. Лучший просто потому, что остальные не дожили.

— Госпожа магичка! Госпожа...

— Леди магесса, — сухо поправила она мальчишку, бросившего ей наперерез и явно перепуганного собственной дерзостью. — К старшим собратьям следует обращаться лорд и леди независимо от их происхождения. Что тебе, юноша?

— Госпожа... То есть леди магесса! А правда, что вы и есть эта? Ну, эта...

— Я безусловно эта, а не та, — усмехнулась Ло. — Выразайся яснее. Так кто я?

— Стальной Подснежник! — выпалил мальчишка и даже зажмурился, но тут же распахнул карие глазки, глядя на Ло с восторгом.

— Леди Лавиния Ревенгар к вашим услугам, юноша, — устало сказала Ло, уговаривая себя не сорваться.

Это мальчишка, просто мальчишка. А хоть бы и девчонка. Всем им, будущим мажатам, нужны герои. А из нее всенепременно сделают героиню — не может Орден упустить такой случай. Повесят портрет в аудитории, напишут биографию — и будут первокурсники-адепты заучивать жизнеописание магессы Ревенгар, в котором хорошо, если одна строчка из дюжины окажется правдивой. И хорошо, если она сама до этого не доживет. Упаси Пресветлый Воин стать легендой при жизни.

— Да, меня и так называли, — вздохнула она, глядя в круглое конопатое лицо будущего собрата. — И что?

— Ничего, — смутился мальчик, судя по одежде, из небогатых купцов или состоятельных ремесленников. — Прошу прощения, леди. Я просто хотел поблагодарить вас. Мой старший брат — сержант третьего пехотного полка. Он был в Руденхольме. Моя мать... она молится о вас каждый день. Она сказала, если я когда вас увижу, поклониться вам от всей семьи.

Он опустил на одно колено, склонил голову, а в зале вдруг стало так тихо... Смертельно тихо, как называл это Арчибальд Леруазен, оставшийся в Руденхольмском ущелье, чтобы брат этого мальчишки смог уйти.

— Скажи матери... — что-то слишком часто у нее перехватывало горло сегодня, — что я не сделала ничего особенного. Просто выполнила свой долг. И учись... хорошо.

— Да, леди магесса Ревенгар.

Карие глаза смотрели с обожанием. Смотри-ка, еще выдумает себе великую любовь... Хотя в его возрасте это полезно. Ло вздохнула. Сняла с пояса безделушку — перочинный ножик с клеймом ордена — наклонилась и сунула в руки мальчишке, сказав негромко, но зная, что ее слышат все в этом зале:

— В Руденхольмском ущелье погибли пятеро магов и семей адептов. Твой брат обязан жизнью им, а не мне. Знаешь девиз Ордена? «Учись прилежно, живи честно, умри доблестно». Как тебя зовут, юноша?

— Тайлин... Тайлин Формиз.

— Учись прилежно, Тайлин, — повторила Ло. — И живи честно. Этого пока вполне достаточно.

Рывком поднявшись, она почти пробежала по залу — еще не хватало кому-то увидеть не слезы, нет, просто зажмуренные глаза.

Выскочила на улицу, под яркое безоблачное небо, вдохнула прохладную столичную сырость и поняла, что сегодня напьется. Обязательно! Но — вечером. Потому что в полдень ей предстоит малая аудиенция у его величества.

\* \* \*

К шепоткам за спиной Ло привыкла давно. В детстве ее сила была нестабильна, и сначала окружающие болтали о бесталанной девчонке, которую взяли в Академию не иначе как по протекции деда-преподавателя. Это было так глупо, что даже не обидно: любой здравомыслящий и знающий человек понимал, что без дара обучение не пройти. А на дураков Ло было плевать.

Потом сплетничали о молодой талантливой магессе, которая, вот жалость какая, выбрала совершенно не женскую специализацию боевых чар. Это было еще глупее: силу не выбирают, она сама выбирает мага, причем иногда очень странно. Ло попадались и редкостные говнюки с даром целителя, и нежнейшей души некроманты. Боги, роняя в душу будущего мага искру, любят пошутить.

И все эти годы о ней шептались, шептались, шептались... В шелесте и шорохе вкрадчивых шепотков слышались зависть, презрение, ханжество — не было только жалости. И Ло казалось, что никогда не будет. Жалость она ненавидела еще сильнее, чем насмешки. А вот теперь, пройдя дворцовыми коридорами, ясно читала ее в любопытных взглядах и все сильнее злилась. Проклятые стервятники! Она еще жива и примерять саван не собирается!

К тому моменту, как чопорный церемониймейстер объявил, что его величество желает видеть леди Ревенгар в малом кабинете, Ло уже была, как стрела на натянутой тетиве, — готова сорваться.

Но, ступив на шоколадного цвета ковер в небольшой и совсем не богато меблированной комнате, притихла. Конечно, не из благоговения перед монархом, а просто от удивления.

Единственный раз до этого Ло видела его величество вблизи на принятии присяги, но тогда он выглядел... больше похожим на парадные портреты, пожалуй. Или она была юной восторженной дурочкой. Сейчас королевский кабинет напоминал

ей обиталище какого-нибудь провинциального мэра, а его хозяин — чиновника средней руки.

Немолодой, слегка сутуловатый мужчина с залысинами хмуро глянул на нее из-за стола темно-серыми с болотной прозеленью глазами-буравчиками. Оглядел от стянутых на затылке в хвост коротких волос до носков запыленных сапог, едва заметно скривился. Ло и сама понимала, что выглядит совсем неподобающе леди, но за три года войны растеряла все ненужные в горах и лесах платья, оценив преимущества штанов и армейской обуви. А новые наряды шить не собиралась, втайне надеясь на преподавательские мантии, выдаваемые Академией. Платья пусть Мелли шьет, ей нужнее.

Кстати, белокурая коса, единственное, что Ло признавала у себя красивым, тоже осталась там, в пограничных лесах, в первую же зиму. Некромант Маркус предлагал вывести вшей магией, раз уж горячая вода и мыло стали роскошью, но Ло, скривившись от брезгливости, ножом отхватила толстый жгут волос чуть ли не под корень и только тогда подставила голову под зеленое сияние, льющееся с пальцев друга. Потом она обрезала едва подросшие пряди постоянно, и только в лазарете, пока Ло месяц валялась едва живая, они отросли до плеч.

— Леди Лавиния Ревенгар, — не столько сухо, сколько невыразительно сказал его величество Криспин. — Как ваше здоровье?

— Прекрасно, сир.

Делать реверанс в штанах было бы глупо, так что Ло поклонилась.

— Лекари другого мнения. Они утверждают, что о месте преподавателя в Академии Ордена не может быть и речи.

Ло почувствовала, как ее щеки загорелись румянцем. Она еще и слова не сказала, не привела все безупречные и тщательно выверенные доводы, которые готовила с таким прилежанием — а ей уже отказали. И как только король узнал?! Неужели... магистр Саттерклиф? Больше некому, разумеется.

— Ваше величество не желает меня выслушать? — с трудом сохраняя спокойствие, поинтересовалась она.